Неповторимая

Майя Плисецкая

Богиня русского балета

Неповторимая (Алгоритм)

Елена Обоймина

Майя Плисецкая. Богиня русского балета

«Алисторус»

2017

УДК 82-94
ББК 85.374

Обоймина Е. Н.

Майя Плисецкая. Богиня русского балета / Е. Н. Обоймина — «Алисторус», 2017 — (Неповторимая (Алгоритм))

ISBN 978-5-906979-54-4

«Характер – это и есть судьба»(Майя Плисецкая)Прима Большого театра СССР и известная на весь мир балерина, она стала символом своей эпохи, эталоном и примером для подражания.Майя Плисецкая танцевала главную партию в «Лебедином озере» более полувека: впервые она вышла на сцену с этим номером в 42-м году в Свердловске в эвакуации, в последний раз – в 96-м в Москве на Красной площади. Не меньшим постоянством отличалась и личная жизнь балерины: более пятидесяти лет продлился счастливый брак с композитором Родионом Щедриным.Перед вами самая полная и подробная на сегодняшний день биография главной примы-балерины Большого театра, написанная известным историком балета Еленой Обойминой.

УДК 82-94
ББК 85.374

ISBN 978-5-906979-54-4

© Обоймина Е. Н., 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

Награды и звания 6
Вместо предисловия 8
Начало. Путь из детства 10
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Елена Обоймина
Майя Плисецкая. Богиня русского балета

© Обоймина Е.Н., 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Награды и звания

Герой Социалистического Труда (19 ноября 1985) – за большие заслуги в развитии советского хореографического искусства.

Полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством»:

«За заслуги перед Отечеством» I степени (20 ноября 2005) – за выдающийся вклад в развитие отечественного и мирового хореографического искусства, многолетнюю творческую деятельность;

«За заслуги перед Отечеством» II степени (18 ноября 2000) – за выдающийся вклад в развитие хореографического искусства; «За заслуги перед Отечеством» III степени (21 ноября 1995) – за выдающиеся заслуги в отечественной культуре и значительный вклад в хореографическое искусство современности;

«За заслуги перед Отечеством» IV степени (9 ноября 2010) – за выдающийся вклад в развитие отечественной культуры и хореографического искусства, многолетнюю творческую деятельность.

Три ордена Ленина (27 октября 1967, 25 мая 1976, 19 ноября 1985)

Заслуженная артистка РСФСР (1951)

Народная артистка РСФСР (1956)

Народная артистка СССР (1959)

Лауреат Ленинской премии (1964)

Майя Михайловна Плисецкая (1925–2015) – артистка балета, представительница театральной династии Мессерер-Плисецких, прима-балерина Большого театра СССР в 1948–1990 годах.

> *«В искусстве не важно “что”. Самое важное – “как”. Нужно, чтобы дошло до каждого, чтобы душу трогало – тогда это настоящее, иначе никак».*
> *(Майя Плисецкая)*

Вместо предисловия

«Дам вам совет, будущие поколения. Меня послушайте. Не смиряйтесь, до самого края не смиряйтесь. Даже тогда – воюйте, отстреливайтесь, в трубы трубите, в барабаны бейте, в телефоны звоните, телеграммы с почтамтов шлите, не сдавайтесь, до последнего мига боритесь, воюйте. Даже тоталитарные режимы отступали, случалось, перед одержимостью, убежденностью, настырностью. Мои победы только на том и держались. Характер – это и есть судьба…»
Майя Плисецкая

Майя Плисецкая собиралась отмечать свой очередной юбилей как всегда ярко и красиво. В апреле 2015-го она прилетала в Москву вместе с мужем, композитором Родионом Щедриным – специально, чтобы обсудить предстоящее торжество. Говорят, балерина очень скучала по своей публике, по грому аплодисментов и стихии восторженного зала. Ей так хотелось еще раз выйти на любимую сцену Большого театра! Не останавливало даже то, что Большой пережил долгий капитальный ремонт и обновился до неузнаваемости, что нет больше как таковых старых досок сцены…

Двадцатого ноября 2015 года легендарной танцовщице должно было исполниться 90 лет. В честь этого знаменательного события на сцене ГАБТа 20 и 21 ноября задумывались грандиозные гала-концерты «AVE МАЙЯ».

Майя Михайловна даже успела набросать рабочий вариант программы этих вечеров.

«Ансамбль Моисеева, что-то эффектное, но не длинное… Вариации из станцованных мною балетов… Испанское фламенко – женщина (желательно лучшая на сегодня)… Балет А. Духовой с брейк-данс и прочими эффектами… “Роза» – Лопаткина… “Болеро” целиком – Вишнева с балетом Бежара… “Кармен” – Захарова… Кода вечера – 5–6 минут последних тактов “Болеро” – и мой выход вживую из центра сцены под музыку…»

Согласно пожеланию юбилярши режиссером памятных вечеров стал Андрис Лиепа. В программу большого гала-концерта включили фрагменты балетов из репертуара Плисецкой. Особое место отдали произведениям, созданным специально для танцовщицы: «Гибель розы» и «Кармен-сюита». В концерте задействовали ведущих солисток балета Большого театра: Светлану Захарову, Марию Александрову, Екатерину Крысанову, Ольгу Смирнову, Екатерину Шипулину, Марию Аллаш, Нину Капцову, Евгению Образцову, а также приглашенных питерских звезд – Ульяну Лопаткину и Диану Вишневу.

Праздник предполагался грандиозным, но… 2 мая того же года в Мюнхене Майи Плисецкой не стало: подвело сердце. 90-летие легенды русского балета отмечалось уже без нее. Осуществилось все задуманное Майей Михайловной: вариации ее героинь из классических балетов «Раймонда», «Спящая красавица», «Бахчисарайский фонтан», «Дон Кихот», «Лауренсия» и, конечно, «Лебединое озеро» исполняли нынешние ведущие солистки Большого театра и приглашенные петербургские. «Все танцевали от души, как умели: кто лучше, кто хуже», – обмолвится о вечере памяти известная журналистка Татьяна Кузнецова. Фрагменты автобиографической книги Плисецкой озвучила элегантная Илзе Лиепа, а на экране предстали документальные, теперь уже исторические, кадры ее выступлений.

Ансамбль Игоря Моисеева, балет Аллы Духовой – было все, как представлялось Майе Михайловне при жизни. Вечер завершился «Кармен-сюитой» в исполнении Светланы Захаровой – прекрасной лирической танцовщицы, часто выступающей сейчас за границей в каче-

стве примы зарубежных театров. Долгие аплодисменты, букеты цветов и в ложе – композитор Родион Щедрин, вытирающий слезы…

На этом вечере было все, кроме самой Майи Плисецкой – ее яркой индивидуальности, харизмы, энергии, напора. Ее таких узнаваемых и неповторимых жестов, поз, движений. Не было МАЙИ. И не было ее КАРМЕН…

Словно издалека в памяти зазвучал голос Майи Михайловны:

– Технических сложностей для двадцатилетних более не существует. Правильно выученная балерина (обязательно выученная правильно, это решающе важно) танцует теперь все. Без запинки, без сучка и задоринки. Исполнить двойные фуэте – ничего не стоит. Пять пируэтов на пальцах соло – никаких проблем…

Разумеется, спорт способствовал техническому рывку классического балета. И видеозапись… Но я и по сей день убеждена, что одной техникой мир не покорить. И сегодня, и лет через сто пятьдесят – двести танцем надо будет, как и прежде, в первую очередь растронуть душу, заставить сопереживать, вызвать слезы, мороз гусиной кожи…

Трудно с этим не согласиться.

Начало. Путь из детства

В давнем номере журнала «Огонек» – фотография юной балерины, надежды Большого театра. В публикации рассказывалось о двадцатилетней Майе Плисецкой, которая «выступила в трудной и ответственной роли Раймонды в балете Глазунова. Природа одарила ее прекрасными данными: стройная фигура, большой шаг, широкий и высокий прыжок, красивые, «поющие» руки. Исполнение роли Раймонды Майей Плисецкой выдвигает ее в ряд лучших балерин Большого театра».

«Музыка.

Выход Раймонды…

Моя премьера проходит шумно, с редким для непремьерного спектакля успехом. Решаюсь так написать, ибо в журнале «Огонек» на одной странице с репортажем о победах футболистов московского «Динамо» в Англии, после портретов великого Боброва, Бескова, Хомича, Семичастного, – мои шесть балетных поз из “Раймонды”. И седьмая – такая нелепая, со смущенной полуулыбкой – фотография в жизни. “Фото Г. Капустянского”. И маленькая заметка о появлении новой балерины в труппе Большого театра. Я по-детски счастлива.

Через неделю на Щепкинский почтальон приносит ворох разномастных конвертов с письмами на мое имя. Предлагают руку и сердце, признаются в любви, просят взаймы денег, объясняют, что родственники. Похоже, я стала знаменита» («Я, Майя Плисецкая»).

– Мне повезло, что я была артистичной с детства, – говорила Плисецкая годы спустя. – Может быть, потому что в роду было много артистов? Брат и сестра моей матери были в балете. Брат моего отца был атлетом. Очень хорошей актрисой характерных ролей была сестра моей матери… В балет меня привела моя тетка – мамина сестра, которая была балериной… Я просто любила театр, любила танцевать… Меня привлекал театр, но тогда я не думала, что буду балериной.

И действительно: в семье зубного врача Михаила (Менделя) Мессерера, деда танцовщицы, выросло десять детей, и пятеро из них связали свою жизнь со сценой.

Азарий Мессерер был известным в 1920–30-е годы драматическим актером, выступавшим под псевдонимом Азарин…

Виртуозным солистом балета и замечательным педагогом со своей собственной системой обучения классическому танцу, широко известной во всем мире, стал Асаф Мессерер, дядя Майи Плисецкой. Танцевал он (не столь частый случай в мире балета!) в паре с сестрой Суламифь, которая считалась технически сильной балериной для своего времени.

В Москве большая семья Мессереров жила на Сретенке, 23, на последнем, четвертом этаже. Восемь комнат здесь следовали одна за другой, и все выходили окнами на Рождественский бульвар. Все они числились за семьей Мессереров, только самую последнюю занимал пианист-виртуоз Александр Цфасман, известный джазовый музыкант.

– Главой семьи был мой дед, московский зубной врач, Михаил Борисович Мессерер, – рассказывала Майя Михайловна. – Родом он был из Литвы и образование получил в Университете Вильно. Родным языком семьи был литовский. В Москву дед перебрался – со всеми домочадцами – в 1907 году. Шестеро из его детей, включая мою мать, родились в Вильно.

«Согласно записи о браке, Мендель Мессерер (Михаил Мессерер, дед балерины. – *Авт.*) родился в 1866 году, предположительно в м. Долгиново, – сообщает Галина Баранова, сотрудник Государственного исторического архива Литвы. – Нет сомнения в том, что он был замечательным дантистом, однако он никак не мог получить свое образование в Вильнюсском университете, который был закрыт 1 мая 1832 года царским правительством на долгие десятилетия. 1 августа 1832 года медицинский факультет Вильнюсского университета был преобразован в

Вильнюсскую медицинско-хирургическую академию, прекратившую свою деятельность 1 августа 1842 года. Поэтому Мендель Мессерер, скорее всего, приобрел свою профессию в каких-либо других учебных заведениях.

Рахиль Мессерер с дочерью Майей (слева) и сыном Александром (справа). Перед поездкой на Шпицберген. 1932 г.

В то время, когда дед балерины проживал в Вильнюсе, государственным языком в Литве, входящей в состав царской России, был русский язык. Согласно переписи, проведенной немецкими властями в период кайзеровской оккупации в 1914–1915 гг., литовцы г. Вильнюса составляли всего 2 % населения города и основными разговорными языками виленчан были русский и польский. Большинство местного еврейского населения владело также языком идиш. Поэтому мы позволим себе усомниться в том, что родным языком в семье Михаила или Менделя Мессерера, прибывшего из Долгинова, где в еврейских семьях также говорили на идиш и польском, был литовский язык».

Справедливости ради следует уточнить, что, по свидетельствам родных, дед Майи Плисецкой был талантлив в изучении языков и знал их несколько, в том числе и древние. Встречается и упоминание о том, что учился он в Харьковском университете.

Интересные факты о появлении на свет будущей балерины вспоминал ее дядя Александр (урожденный Аминадав) Мессерер: «Майя родилась вечером 19 ноября, в день рождения Асафа. Но 20 ноября страна широко отмечала 50-летний юбилей Михаила Ивановича Калинина – всесоюзного старосты, как его называли, председателя ЦИК (Центрального исполнительного комитета) СССР и, по-теперешнему, президента страны. И было довольно естественно, что Миша захотел и сумел записать день рождения дочери 20 ноября.

Назвать дочь Рахиль и Миша поначалу думали Светланой (не подумайте, что в угоду Сталину: сталинская Светлана родилась на год позже), но потом передумали и назвали Майей».

Какой была маленькая Майя? «Рыжая, как морковка, вся в веснушках, с голубым бантом в волосах, зелеными глазами и белесыми ресницами», – живописно рассказывала о себе балерина. С крепкими, с детских лет, ногами. «В самом младенчестве, стоя на кроватке с сеткой и держась руками за холодную искривленную палку, я приседала и вытягивалась в такт хриповатому голосу няни Вари… Не исключаю, что, проделывая эти упражнения целыми днями, я здорово укрепила ноги. После колыбели ретиво бегала на высоких полупальцах, выбивая дырки на ботинках. Усталости не знала. Уложить меня спать стоило великих трудов».

Ей очень нравилось имя Маргарита. «Как тебя зовут, девочка?» – спрашивали Майю. Она уверенно отвечала: «Маргарита».

Мать будущей балерины окончила ВГИК, была киноактрисой. Колоритная внешность черноволосой Рахили Михайловны во времена Великого немого не могла не привлечь режиссеров, и ее несколько раз снимали в ролях… восточных женщин.

«Небольшого роста, круглолицая, пропорционально сложенная, – описывала внешность матери Плисецкая. – С огромными карими глазами, маленьким носом-пуговкой. Черные, вороньего отлива волосы, всегда гладко расчесаны на прямой пробор и замысловатыми змейками заложены на затылке. Ноги прямые, с маленькой стопой, но не балетные. Было в ней что-то от древних персидских миниатюр. Потому, думаю, и приглашали ее сниматься в кино на роли узбекских женщин.

Снималась она в немых чувствительных фильмах недолго, четыре-пять лет, и сыграла с десяток ролей. В титрах фильмов ее величали Ра Мессерер. Жизнь намучила ее предостаточно. Она была и киноактрисой, и телефонисткой, и регистраторшей в поликлинике, и массовиком в самодеятельности. Модницей ее назвать было нельзя. Годами она носила одно и то же платье. Помню ее все летние месяцы в шифоновом голубом одеянии.

Наискось от нашего углового дома был кинематограф, на фасаде которого висел гигантский, по моим детским представлениям, мамин портрет в немом фильме «Прокаженная». В том кинотеатре я смотрела этот фильм вместе с мамой. Громко, взахлеб рыдала, когда маму топтали лошади. Она была рядом, утешала, приговаривая: «Я здесь, я цела, я около тебя». Я зло вырывала руку и нешуточно сердилась, что мама мешает мне плакать».

Отец будущей балерины, далекий от мира искусства, занимал вполне земные административные должности. Михаил Плисецкий родился в начале двадцатого века в городе Гомеле. Стройный, хорошо сложенный, с серо-зелеными глазами на симпатичном лице – балерина всегда говорила, что унаследовала свою внешность от отца. Но на семейных фотографиях хорошо заметно, как она похожа на мать.

«…в восемнадцатом, семнадцатилетним подростком, «записался в коммунисты», вступил в партию, – рассказывала об отце Майя Плисецкая. – Как и все донкихоты той лихой годины, он исступленно верил в книжную затею – осчастливить все человечество, сделать его бессребреным и дружелюбным. В затею, абсурдность которой разумеет сегодня каждый юнец…».

Михаил Плисецкий работал в «Арктикугле». В 1932 году его назначили генеральным консулом и начальником угольных рудников на Шпицбергене. На край света Плисецкие отправились всей семьей – отец, мать, Майя и ее восьмимесячный брат Александр. Путь предстоял очень длинный, с остановками и пересадками в разных странах. И наконец-то добрались…

«Чего было на Шпицбергене в переизбытке, так это снега. Чистый, белый, хрустальный, светящийся снег. С лыж я не слезала. Не чувствуя времени, до середины ночи я слетала, карабкалась ввысь, вновь слетала с причудливых извилистых гор. Зазвать меня домой не было никакой возможности. Часто склоняемое в разговорах слово “Грумант-Сити” – это был второй после Баренцбурга город на острове – захватило мое детское воображение. Я намерилась дойти до него на лыжах. И пошла. Шла я долго. Валом повалил снег. Стена снега. Впереди видно ничего не было. Сплошное снежное месиво. Меня хватились. Мама работала на Шпицбергене телефонисткой и ей быстро удалось поднять тревогу. Послали лыжников с натренированной собакой. Я же, устав, решила передохнуть, села на лыжи. Снег стал превращать меня в андерсеновскую деву. Начала засыпать, впала в сладкую дрему. Моя спасительница умница-овчарка Як (имя ее вспомню, если разбудить среди ночи) – раскопала меня из снежного сугроба и поволокла за шиворот к людям. Так я родилась во второй раз» («Я, Майя Плисецкая»)

Еще один интересный случай из жизни семьи Плисецких того периода вспоминала балерина: «…под Рождество норвежские власти прислали отцу подарок. Фанерный ящик, полный апельсинов. Отец, не дав мне насладиться редким для северных мест фруктом, распорядился тотчас же снести посылку в шахтерскую столовую. Мама причитала. Свой ребенок без витаминов, а ты скармливаешь их по столовой. Отец так жестко посмотрел на мать, что она замолкла на полуслове».

Именно на этом суровом острове, на самодеятельной сцене, состоялся дебют маленькой Майи в первом в ее жизни спектакле – опере Даргомыжского «Русалка». Крошечная роль Русалочки была исполнена блестяще, и из дома навсегда ушел покой. Юная танцовщица ни минуты не сидела на месте: импровизировала, пела, танцевала, исполняя все роли одновременно.

В 1934-м, после двухлетнего зимовья на Шпицбергене, Михаилу Плисецкому дали отпуск, и вся его семья длинным, утомительным путем через всю Европу приехала в Москву. Здесь восьмилетнюю Майю, грезившую танцем, решено было отдать в Московское хореографическое училище. Не последнюю роль на семейном совете сыграла Суламифь Мессерер – Мита, как звали ее у Плисецких.

В балет Суламифь Мессерер пришла вслед за старшим братом Асафом, когда ей было двенадцать. Несмотря на юный возраст, будущая танцовщица могла репетировать часами. Недетская выносливость, сильный прыжок и, по ее собственным словам, «шквальный темперамент» – вот что отличало Суламифь от ее одноклассниц. Но глядя на ее несколько рваный танец на старых кинопленках, не по-балетному торчащие колени, понимаешь, что имела в виду Майя Плисецкая, характеризуя исполнение своей тети: «Балерина была техничная, напористая… выносливая, танцевала почти весь репертуар в Большом. Но чувства линии не было».

Уже обучаясь в хореографическом училище при Большом театре, Суламифь всерьез увлеклась плаванием. Да настолько, что окончила плавательную школу и уже через год стала чемпионкой страны на стометровой дистанции. Это звание она удерживала четыре года. Похоже, упорство в достижении цели было общей чертой всех представителей семейства Мессерер.

На балетном поприще Суламифь так же достигла немалых успехов, и в конце концов выбрала искусство. В начале тридцатых годов XX века брат и сестра Мессерер гастролировали в ряде европейских стран, поражая зрителей виртуозностью и смелостью танца. Их по праву называли «первыми полпредами» советского балета.

Суламифь Михайловна Мессерер (1908–2004) – советская балерина и балетный педагог, пловчиха. Сестра Асафа Мессерера и Рахили Мессерер, мать Михаила Мессерера, тетя и приемная мать Майи Плисецкой

В Париже о выступлении артистов Мессерер своеобразно писал известный балетный критик, русский эмигрант Сергей Волконский: «…Удивлению, даже изумлению, нет конца. С первых же номеров из балета «Дон Кихот» (адажио, две вариации, кода) зал прямо ахал от изумления. Высота прыжков Мессерера, широта, с которою он в несколько обхватов облетал сцену,

количество последовательных пируэтов (даже пируэты в воздухе) и внезапная недвижность остановок завоевывали все больше. К числу особенных достоинств надо отнести отменную ритмичность. Не только понятно, что сам танец следует за музыкальным рисунком, но в высшей степени удовлетворяют такие места, как например, выход Пьеро и Пьеретты, столь картинно и с такою же несомненностью провозглашающий вступление и фермату».

После выступления своих бывших соотечественников С. Волконский пришел за кулисы, чтобы приветствовать Асафа и Суламифь, в сопровождении знаменитой русской балерины Матильды Кшесинской…

– Дождливым июньским утром (не был ли это конец мая?) Мита привела меня на балетный экзамен, – рассказывала Майя Плисецкая. – Меня обрядили по такому торжественному случаю во все белое: белое вискозное платьице, белые носочки, пришпилили к моим рыжим косичкам тщательно отутюженный большой белый бант. Увы, приличествующей случаю обуви в моем гардеробе не оказалось – плоские каждодневные коричневые сандалии чуть-таки подпортили мой подвенечный вид…

В 1934 году заявлений на поступление в училище оказалось немного, свидетельствовала балерина. Что-то около тридцати (годы спустя желающих поступить туда бывало и по тысяче). От поступавшего требовались лишь хорошие физические данные, крепкое здоровье, музыкальность и, конечно, чувство ритма. Особенно ценилась природная артистичность. Судьбу девочки по имени Майя решил реверанс, отпущенный ею приемной комиссии.

Поначалу Майю Плисецкую определили в класс бывшей солистки Большого театра Евгении Долинской. Педагог симпатизировала ученице: «Каждый раз занимала в своих милых, непретенциозных хореографических миниатюрах. Я станцевала у нее русскую бабенку (выделено мной. – Авт.) на музыку книпперовского «Полюшко-поле». На мне был длинный расписной сарафан, рябоватый платочек клинышком, матерчатые подсафьяновые сапожки. Я в охотцу отбивала незатейливые дроби, жестикулировала, кокетничала, подмигивала, чем немало потешила нашу училищную публику.

Кроме балета нас учили обычному уму-разуму. Русский язык, арифметика, география, история, музыка, французский язык. Написала, и дрогнула рука. Это надо же так учить и так учиться, чтобы совершенно ничего не мочь. Ни сказать, ни понять. Хотя вся профессиональная балетная терминология основана на французском. И давая класс хоть на Марсе, я обойдусь 15–20 французскими выражениями».

Значит, все-таки что-то запомнилось с тех давних уроков?

Первый год в училище оказался для ученицы Майи Плисецкой совсем коротким: отцовский отпуск закончился, он и так задержался в столице дольше положенного. Предстояло возвращаться на Шпицберген. Плисецкие долго обсуждали, как поступить с Майей. В итоге решили опять всем вместе отправиться в Баренцбург до конца навигации. Оставить дочь в Москве было не с кем: тетя Мита и дядя Асаф находились на продолжительных гастролях, а в училище тогда не было общежития. Да и как в нем оставить девятилетнюю девочку совсем одну?

На севере Майя очень тосковала по балетным урокам. Весной Михаил Плисецкий решил отправить дочку на Большую землю с первым же ледоколом. Так Майя открыла новый путь со Шпицбергена на материк через Мурманск.

К концу первого учебного года она уже, по существу, не успела. А во втором классе у нее сменился педагог: после Долинской класс приняла под свое руководство Елизавета Павловна Гердт, в свое время прекрасная балерина академического плана.

В свое время Елизавета Гердт считалась одной из лучших балерин Мариинского театра, поэтому логично, что хранительницей традиций русского балета стала именно она, представительница старой академической школы. Став педагогом, Елизавета Павловна передавала моло-

дому поколению танцовщиц все, чем владела сама: чистоту исполнения, безупречное владение техникой классического танца, пластичность и женственность.

У нее Майя Плисецкая проучилась шесть лет, переняв самое лучше, что могла дать наставница. А Елизавета Павловна с любовью шлифовала «этот бриллиант», как она называла Майю. «Среди ее многих редкостных профессиональных качеств я особенно выделяю замечательную, уникальную музыкальность, – говорила педагог о своей ученице. – Такое бывает лишь у подлинных больших балерин. Во время ее танца поет все – и душа, и все тело, передавая то, о чем рассказывает музыка…»

По традиции ученики хореографического училища на практике знакомились с лучшими образцами русской балетной классики. Ведь, как известно, обучение в училище всегда предполагало участие будущих артистов в спектаклях Большого театра. На его сцену уже в одиннадцать лет довелось выйти и юной Плисецкой в адажио феи Крошки (Хлебной крошки) в балете «Спящая красавица», возобновленном ее дядей Асафом Мессерером.

Через год юная исполнительница танцевала ответственную партию Кошечки в балете Д. Клебанова «Аистенок», поставленном специально для хореографического училища. Балет этот впоследствии вошел в репертуар Большого театра. Плисецкая вполне справилась с актерской задачей, показав грациозную, но не без кошачьего коварства, кошечку. Участвовала Майя и в танцевальном дивертисменте в опере Н. Римского-Корсакова «Снегурочка», так же шедшей на сцене Большого.

Ее артистические способности проявились очень рано. Вот что писала народная артистка РСФСР Софья Головкина: «Я вспоминаю, что признаки незаурядного дарования Плисецкой были ясно различимы еще в школьные годы: на занятиях в классе, в ученических концертах, сквозь несовершенную порой форму танца девочки сильным и ярким светом светил талант. Здесь с самозабвенным упорством постигала Майя прекрасную и трудную науку танца…»

Правда, вспомянуто это было Софьей Головкиной в газете «Вечерняя Москва» уже в 1964 году, когда имя советской балерины Майи Плисецкой гремело по всему миру.

Да, той самой Софьей Головкиной, которую впоследствии Майя Михайловна едко, но метко характеризовала в своей автобиографической книге:

«Танцевать она совсем не умела. Пируэты и шене крутила криво, но не падала. Как Пизанская башня. В ней не было ни темперамента, ни блеска. Во время танца она помогала себе пухлым ртом, словно жуя резинку, – хотя в те времена американцы еще не изобрели “чуингам”. От ее спектаклей веяло скукой и серостью. Публика томилась и аплодировала скудно. В солистки она выдвинулась, деля в юности своей супружеское ложе с маститым балетмейстером Федором Лопуховым, бывшим краткое время до войны руководителем балета ГАБТа. Женитьба эта была непродолжительной, но оставила некий след в истории московского балета пикантными пояснениями Головкиной на комсомольском собрании…

Если забежать чуть вперед, то, закончив свою танцевальную карьеру провальным “Дон Кихотом”… она с головой погрузилась в педагогическую деятельность. Тут уж имя ее замелькало и замелькало в газетах. Знаменитая в прошлом балерина передает свой опыт, молодежь учится у прославленных танцовщиц, зеленая улица молодым…» («Я, Майя Плисецкая»)

В искусстве танца Плисецкая понимала более чем кто-либо другой, ее оценкам вполне можно доверять. Посмотрим старые записи выступлений Софьи Головкиной (на «YouTube» доступен документальный фильм «Софья Головкина. Судьба моя – балет»). И действительно: исполнение солистки Большого оставляло желать лучшего даже для периода 1940–1950-х и неудержимо напоминало о самодеятельном уровне столь распространенных в то время балетных студий. Причина этого не совсем понятна, ведь Головкина тоже окончила Московское хореографическое училище – в 1933-м, за год до поступления туда Плисецкой. Может, дело в том, что педагогом ее был мужчина? Не то что «танцевать совсем не умела», конечно. Умела,

но… неважно. Тяжеловато, небрежно и словно не в полную ногу. Более тщательной проработки требовали и позировки рук. Очаровательная внешне женщина, судя по фото и воспоминаниям коллег (да и вниманию мужчин тоже), в танце она выглядела странно неуклюжей. «У нее была своеобразная манера танцевать», – мягко выразилась о Головкиной другая звезда советского балета Ольга Лепешинская, которой так же досталось в книге Плисецкой. Впрочем, Ольга Васильевна считала, что книга ее «написана человеком с абсолютной искренностью… Майю можно понять! У нее было такое тяжелое детство! Как могла она относиться к балерине, у которой муж в КГБ? И обо мне, между прочим, там еще хорошо сказано: что ноги у меня кривые и что мужья у меня были один генералом КГБ, а другой – генералом армии… Непонятно, правда, почему нужно, говоря о балерине, описывать не то, как она танцует, а ее мужей…».

Если точнее, то ноги Лепешинской названы Майей Михайловной короткими, а не кривыми. Перечислив особенности ее внешних данных, Плисецкая старается оценить ее искусство по достоинству: «Короче, ее физические данные расходились с моими представлениями о красоте женского тела в балете. Но у нее был азарт, напор, бесстрашие, динамичное вращение. Она без оглядки кидалась с далекого разбега «на рыбку» – в руки партнеру. Гусев и Кондратов, поочередно исполнявшие с ней эффектный вальс Мошковского, были как раз партнерами сильными, надежными и ловили ее без единого промаха. Публике была по душе авантажность Лепешинской, ее жизнерадостность. Хотя не скрою, последнее было для меня ненатуральным».

Софья Николаевна Головкина (1915–2004) – российская советская балерина, балетмейстер, балетный педагог. Народная артистка СССР (1973). Лауреат Сталинской премии первой степени (1947)

Но вернемся к Софье Головкиной. Смелости и упорства ей было не занимать, что, вероятно, и вывело ее в дальнейшем в руководители Московского хореографического училища, директором которого она стала в 1960 году. Здесь Софья Николаевна оказалась на своем месте,

проявив себя незаурядным педагогом и воспитав целую плеяду замечательных балетных артистов.

Сложные и для страны, и для семьи Плисецких 1930-е навсегда наложили на Майю свой роковой отпечаток, окрасив ее детские воспоминания в отнюдь не розовые тона. Ей была свойственна определенная зацикленность, выпирающая наружу при одном лишь упоминании имени вождя, которого балерина искренне ненавидела. Так нередко случалось с теми, чьих близких коснулось жесткое правосудие тридцатых. Особенно если суд оказался несправедливым…

«Летом 1935 года отца внезапно вызвали в Москву, – рассказывала Майя Михайловна в своей книге. – Я встречала мать с отцом и четырехгодовалым братом Алой (Александром. – Авт.) на забитом озлобленными мрачными людьми Казанском вокзале. Сколько же горя, слез перевидала за те кошмарные годы привокзальная площадь, кощунственно названная по-бодрому: Комсомольская. На ней издревле расположились три главных вокзала Москвы. Казанский, Ярославский, Ленинградский. Зодчие Тон, Щусев и Шехтель, проектировавшие архитектуру зданий, и в малой толике не полагали, сколько неисповедимых людских российских судеб будет сломано под сенью их творений, на открытых небу перронах…

Отец был рассеян, серого цвета, весь погружен во что-то, чего я не знала. Мне не хочется сегодня изображать из себя вундеркинда, понимавшего, что происходит в моей каторжной стране. Этого не понимали и самые прозорливые из взрослых. Понимал лишь параноик Сталин, творивший кровавое зло».

В Москве Михаилу Плисецкому дали новую квартиру в центре столицы, определили на солидную должность в управлении «Арктикугля». Выделили и персональную машину, черную «эмку», со всегда аккуратно одетым, внимательным шофером. Но почему же так грустен отец, какие предчувствия его одолевают? – задавалась вопросами его рассудительная дочь. Квартира, машина, награды – атрибуты, положенные большому начальнику. Недолгий путь к последнему причалу, выпадавший тогда многим.

В ночь на 30 апреля 1937 года в квартиру Плисецких нагрянули чекисты и арестовали Михаила Плисецкого по обвинению в шпионаже.

«Рассказы Майи о том, что она видела арест отца и что порушилась ее мечта пойти с отцом на первомайский парад, – выдумка, – утверждал дядя балерины Александр Мессерер. – Она спала, ее, 11-летнюю, не будили, а пропуска на парад у отца не было и не могло быть, поскольку он уже был в глубокой опале. Утром Рахиль сказала ей, что папу срочно вызвали на Шпицберген».

Рахиль с двумя детьми на руках, ожидающая третьего, надеялась, что недоразумение вскоре развеется и любимый муж вернется домой. Но увы… Тринадцатого июля того же года на свет появился маленький Азарий Плисецкий, которого отцу будет уже не суждено увидеть. Михаила Плисецкого расстреляют 8 января 1938 года по приговору Военной коллегии Верховного суда как «немецкого шпиона и врага народа».

Обычно пишется, что о судьбе Михаила Плисецкого его близкие узнали только много лет спустя из справки о реабилитации. Все эти годы они надеялись, что Михаил Эммануилович, возможно, все-таки жив… Но в действительности события этой трагической истории развивались иначе. Сначала Рахиль Мессерер-Плисецкая разыскала мужа в Лефортово. Носила туда передачи, которые потом перестали принимать. На попытки узнать что-то конкретное ей ответили, что Михаил Плисецкий осужден на 10 лет без права переписки. В дальнейшем будет еще один «неправильный» ответ: «Умер в 1941 г. в лагере».

Странное время трагических обстоятельств и судеб породило тенденцию умалчивания и недосказанности. Казалось бы, кому, как ни родственникам осужденного, следовало бы в первую очередь сообщать о приговоре и приведении его в исполнение? Но судебные органы не считали это необходимостью – гласность такого рода не была в почете.

Лишь годы спустя мать балерины, Рахиль Мессерер-Плисецкая, получила письмо Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 13 декабря 1989 г. № 4н-0109/56:

«Уважаемая Рахиль Михайловна! На Ваш запрос сообщаю: ПЛИСЕЦКИЙ Михаил Эммануилович, 1899 г. р., член ВКП(б) с 1919 г., до ареста – управляющий трестом “Арктикуголь” Главсевморпути, был необоснованно осужден 8 января 1938 года к расстрелу по ложному обвинению в шпионаже, во вредительстве и в участии в антисоветской террористической организации. Приговор был приведен в исполнение. Вероятнее всего, это произошло немедленно после вынесения приговора – 8 января 1938 года. Проведенной в 1955–56 гг. дополнительной проверкой было установлено, что ПЛИСЕЦКИЙ М. Э. был осужден необоснованно. 3 марта 1956 года он был посмертно реабилитирован определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР за отсутствием состава преступления. В ходе дополнительной проверки было установлено, что сотрудники НКВД Решетов и Ярцев, проводившие следствие по делу Плисецкого, были впоследствии осуждены за антисоветскую деятельность и фальсификацию уголовных дел. Большими сведениями по интересующим Вас вопросам не располагаем. Прекращенное дело хранится в КГБ СССР (г. Москва), куда Вы можете обратиться с аналогичным запросом… искренние соболезнования».

Возможно, трагедия Михаила Плисецкого и его семьи связана с тем, что его близкие родственники жили за рубежом? Его отец, Мендель Плисецкий, дед Майи Михайловны, обосновался в США еще в 1905 году, там и скончался в 1930-м. С 1912-го в Америке жил и брат Михаила Плисецкого, Израиль Менделевич Плисецкий, принявший здесь звучное имя Лестер Плезент. Иметь же зарубежных родственников в те времена считалось небезопасным… Во всяком случае, семья Плисецких такие родственные связи старалась не афишировать.

Вот и по мнению Майи Михайловны, поводом к аресту отца могла послужить его встреча в 1934 году с проживавшим в США старшим братом, тем самым Лестером Плезентом. Об этом в своей несколько грубоватой манере она поведала и в своей автобиографической книге:

«Его старший брат (Лестер) в свои шестнадцать лет был куда дальновиднее, не забивал себе башку кудрявыми марксистскими теориями спасения человечества. За несколько лет до того, как стал «гордо реять буревестник» кровавой революции, скопив деньги на заграничный паспорт и пароходный билет усердным сбором обильных гомельских яблок, он благополучно достиг Нью-Йорка. Сколотил себе некоторый капиталец на ниве американского общепита, обзавелся семьей и наградил меня в далекой Америке двумя двоюродными братьями – Стенли и Эмануэлем. Эта родственная связь ретиво шилась в строку моему идейному отцу на ночных пытках и допросах в подземельях Лубянки, моей растерянной матери с семимесячным младенцем в забитой рыдающими и воющими бабами камере Бутырской тюрьмы, мне, горемычной, “невыездной”, невыпускаемой за границу и тщащейся достучаться в любую чиновную Дверь, чтобы просто спросить – за что?..

Старший брат отца, сам того не ведая, взял на свою американскую душу еще один тяжкий грех перед российскими родичами. В тридцать четвертом году, за несколько месяцев до иезуитского убийства Сталиным Кирова, он прибыл в Москву с визитом. Роль богатого заокеанского дядюшки доставляла ему откровенное наслаждение. Убогость нашей московской жизни сочила снисходительный скепсис. Отец, чтобы не ударить в грязь лицом, повез вояжера в наше кооперативное дачевладение в подмосковном поселке Загорянка. Двухкомнатный дощатый домик под сенью дурманящих свежестью лип казался нашему семейству царственной роскошью. Какие-то насупленные серолицые люди внимательно вслушивались в переполненном дачном поезде в обрывки фраз разговора двух братьев. Папа, как я сегодня ясно понимаю, не мог не представлять себе надвигающейся беды «за связь с иностранцами», но не хотел проявить себя трусом. Это было в его характере.

“Родственники за границей”, так они именовались в вопросниках бесчисленных анкет, были великой провинностью. Все стремились скрыть их существование; замешкавшихся да смельчаков ждала жестокая кара. Лишь когда пришли годы хрущевской “оттепели”, далекие родственники стали возникать как грибы после дождя. Дирижер Файер, успешно выдававший себя своим партийным сотоварищам за круглого пролетарского сироту, нежданно обрел за океаном родного брата Мирона. Актриса Алла Тарасова, верная дщерь коммунистической партии, припомнила о брате в Париже. Таких забывчивых оказалась целая куча. Слово это пишу намеренно. А тут в яви в 1934 году ходит по Москве, не таясь, единоутробный американец. Да еще после своего отъезда, когда Плисецкие только-только вздохнули с облегчением – пришло-таки избавление, – наивный брат, ничегошеньки не понявший, не услышавший, не увидевший, обуреваемый внезапной ностальгией, стал слать отцу и сестрам любвеобильные письма. Вот была забава цензуре…

…отрезвевшие со страху Плисецкие оставляли без ответа родственные письма с броскими американскими марками и потеряли из виду историю жизни семьи Плезентов в Нью-Йорке» («Я, Майя Плисецкая»).

Майя Плисецкая с папой Михаилом Эммануиловичем Плисецким и мамой Рахилью Михайловной Мессерер. Москва. 1927 г.

> *«Мой отец верил, что система человеческих отношений в новом строящемся обществе будет справедливее, чем в прошлых веках. Но десятилетия идут, а система человеческих отношений к лучшему не меняется».*
> *(Майя Плисецкая)*

Александр Мессерер, дядя балерины по материнской линии, предполагал другое: возможно, арест Михаила Плисецкого оказался связан с тем фактом, что тот в свое время принял на работу в «Арктикуголь» на острове Шпицберген культурного деятеля Ричарда Пикеля – бывшего секретаря Г. Зиновьева и бывшего оппозиционера. Этот товарищ, арестованный еще в июне 1936-го, в августе того же года стал обвиняемым на Первом московском процессе по делу так называемого антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра. Пикель, в частности, признавал свое «участие в покушении на жизнь Сталина». Как и все подсудимые, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян на следующий день.

Заметим попутно: сегодня исследователи вынуждены признавать факт существования в СССР троцкистского движения. Писатель-историк Валерий Шамбаров пишет в своей книге «Пятая колонна»: «С легкой руки Троцкого, чьи доводы подхватили западные историки, а потом и отечественные «перестройщики», все процессы 1936–1938 гг. принято считать сфальсифицированными, а обвинения выдуманными. Но уже многие современные исследователи – А. Шубин, А. Колпакиди, О. Прудникова, А. Смирнов, приводят доказательства, что это не так.

Различные источники, и не только советские, подтверждают наличие в СССР оппозиционных структур, их связи с Троцким».

Уже в 1990-е дядя балерины Александр Мессерер получил доступ к протоколам допросов Михаила Плисецкого. В обширном деле, состоящем из двенадцати томов, имя американского брата обвиняемого нигде не фигурировало. Троцкистско-зиновьевский центр и Ричард Пикель – да.

«Под неимоверно страшными пытками «признался» в шпионаже, диверсиях, контрреволюционной деятельности, участии в троцкистской организации и подготовке террористических актов против руководителей партии и правительства, – писал А. Мессерер о Михаиле Плисецком после знакомства с материалами дела. – 8 января 1938 года выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР приговорила его к расстрелу. Суд длился 15 минут – с 16 ч 30 мин до 16 ч 45 мин. Сразу после суда его расстреляли. Все это – по документам, которые я читал в приемной ФСБ на Кузнецком мосту, д. 24.

Захоронен, предположительно, на полигоне НКВД «Коммунарка» в Бутове (Москва)».

Много лет спустя двоюродный брат балерины Азарий Мессерер признавался:

– Майя рассказывала мне, как она живо помнит руки отца, тонкие длинные пальцы и шрам, оставшийся от удара саблей: он воевал в Гражданскую войну на стороне красных. Она задумалась, а потом добавила, что каждый день мысленно видит, как пытают отца, ломают его руки… Я не поверил: «Неужели каждый день?» «Да, и часто по ночам», – ответила она. Я помню, что тогда мне пришла в голову мысль: может быть поэтому она стала не только великой балериной, но и трагической актрисой.

Об отце Майя Михайловна писала: «Он, к сожалению, к моему очень большому, великому сожалению, верил в коммунистическую утопию. Верил, что можно поставить знак равенства между словами «мое» и «наше». Не хотел или не мог увидеть, что между «мое» и «наше» миллионы световых лет. Что коммунистическая затея враждебна и противна человеческой натуре. Что она вопиюще антибиологична!..»

Лучшие умы человечества на протяжении столетий работали над коммунистической идеей, чтобы в дальнейшем балерина из бывшей Страны Советов, получившая, в принципе, все благодаря советской системе, так вот, походя, назвала эту идею «затеей», да еще и объявила «враждебной и противной человеческой натуре, вопиюще антибиологичной». Нонсенс, не правда ли?

Не случайно говорят, что потрясения детских лет особенно ощутимы для человеческой психики и могут оставить глубокие рубцы на всю дальнейшую жизнь. Видимо, это произошло с Майей Плисецкой, винившей во всех бедах своей семьи одного человека – тогдашнего руководителя государства под названием Советский Союз. «Моего отца кокнул Сталин», – напишет она в своей автобиографической книге, не очень задумываясь об уместности употребления вульгарного просторечия в данном контексте. По всей ее книге то и дело – россыпь негативных упоминаний: «спас от кровожадных лап Сталина»; «в коварной, мстительной, палаческой памяти Сталина»; «Возносить до небес Сталин предпочитал мертвых. Это я пишу для западного читателя, так как мои соотечественники знают все еще до первого чтения букваря»; «Сталин говорил неторопливо, цедил – ему-то спешить вовсе было некуда, – с криминальным грузинским акцентом, почти по слогам. Зал, ликуя, подолгу аплодировал»; «Я же исправно ездила метрополитеном имени еще одного сталинского бандита Кагановича в свою балетную школу. Утром – туда, вечером – обратно».

«Сколько же во мне яда, сама дивлюсь», – восклицала балерина в своей книге. Ну еще бы, и порой изливаемой не по столь серьезному поводу. Так кажется нам, читателям, желающим прочитать в автобиографии знаменитой балерины прежде всего о ее пути в искусстве, балетных партиях и спектаклях, партнерах по сцене и коллегах. Но… «не судите, да не судимы будете». Будем снисходительны. Ее путь в искусстве не был безоблачным, а трудное детство со всеми его душевными травмами поневоле наложило отпечаток и на характер, и на всю последующую жизнь. Большую роль в воспитании будущей балерины сыграла и ее мать, Рахиль Мессерер-Плисецкая, не простившая властям гибель мужа.

– Рахиль, навсегда оставшаяся одинокой, – рассказывал о ней ее племянник Азарий Мессерер, – возненавидела сталинщину, кровавый режим, лишивший ее и ее детей любимого человека – отца, уничтоживший миллионы других отцов… Она привила эту ненависть и в то же время укрепила волю к молчаливому противоборству сталинскому отребью и Майе, и своим сыновьям, и нам, близким родственникам.

И все-таки…

«…все-таки я благодарна судьбе, – признавалась Майя Михайловна. – Я училась любимому делу. Участвовала во взрослых спектаклях. Выходила на сказочную сцену Большого. Под звуки великолепного оркестра. На меня ставили танцы. У меня была чистая постель. Не голодала. Клеймо дочери «врага народа» не погубило моего жизненного призвания. Я избежала преисподней советского детского дома, куда меня хотели было забрать. Это взаправду заслуга Миты. Я не попала в Воркуту, Освенцим, Магадан. Меня мучили, но не убили. Не сожгли в Дахау…»

В конце марта 1938-го в Большом давали «Спящую красавицу». Посмотреть один из любимых сказочных балетов Майя собиралась как на праздник: в спектакле танцевали Асаф и Суламифь Мессерер, ее дядя и тетя. Но праздник оказался совсем не таким, как она представляла: в тот день арестовали ее мать.

По одним сведениям, Рахиль Мессерер-Плисецкую забрали прямо в театре, во время представления «Спящей красавицы». Возникает вопрос, был ли с ней на спектакле маленький Азарий, которому не так давно исполнилось восемь месяцев?

По другим сведениям, за Рахилью пришли домой еще до спектакля и сразу забрали ее с малышом. Она успела шепнуть Майе, чтобы та вместе с братом Аликом (как звали дома Александра) шла в Большой театр и нашла там тетю Миту. Этот же вариант звучит и в рассказе

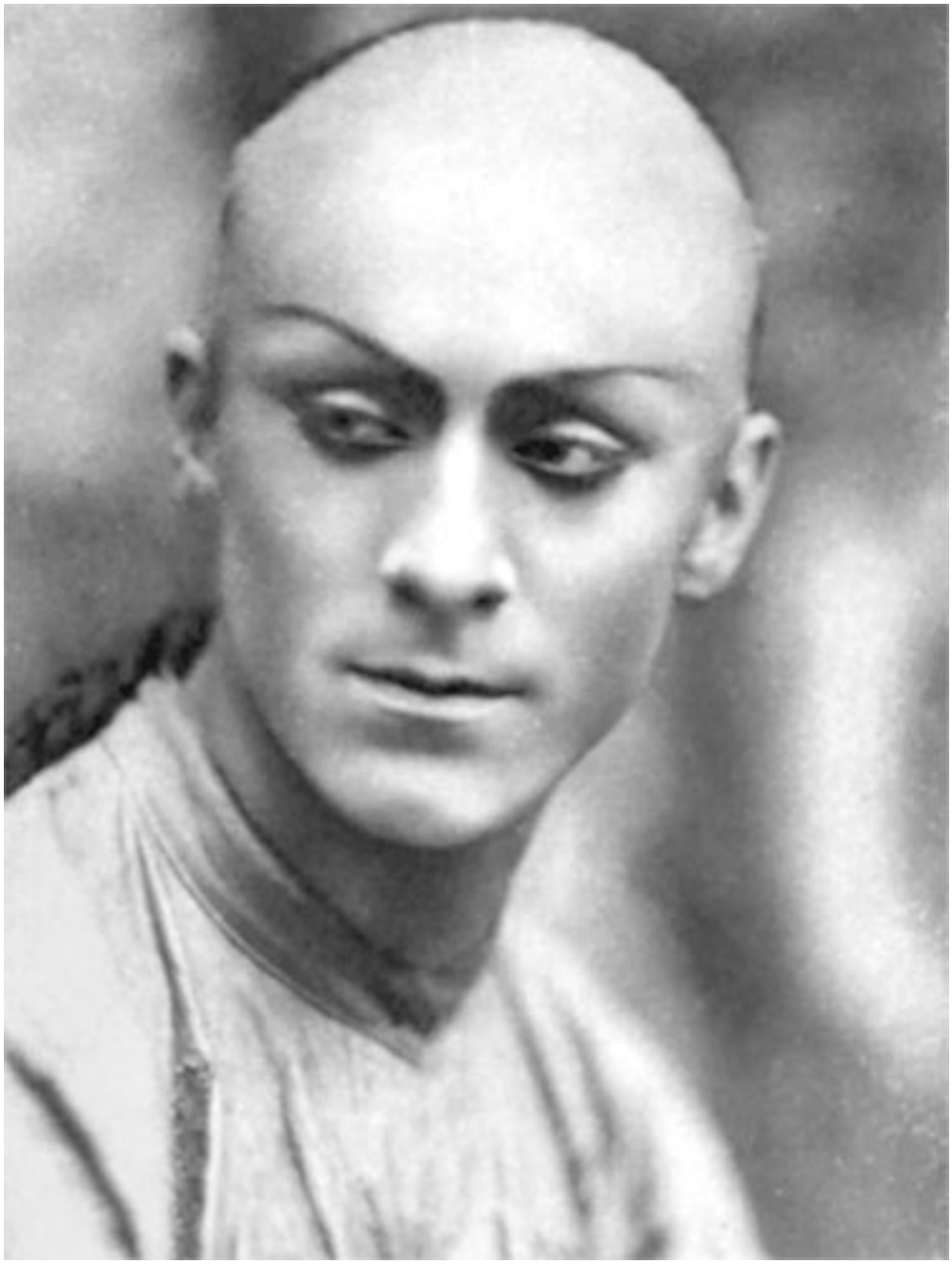
о тех событиях американского журналиста Азария Мессерера, двоюродного брата балерины: «В тот день Рахиль купила цветы и собиралась пойти вместе с детьми в Большой театр на «Спящую красавицу», чтобы посмотреть Суламифь и Асафа в главных ролях. Когда за ней пришли чекисты, она велела Майе ехать с Аликом в Большой без нее, передать Мите и Асафу цветы и сказать им, что ее срочно вызвали к мужу на Шпицберген.

Перед спектаклем Суламифи и Асафу сообщили, что к ним на 16-й служебный подъезд пришли дети. Суламифь пишет в своих мемуарах: «Как я танцевала, не помню. Помню только, брат нашептывал при поддержке: держись, держись, ничего такого, может, не случилось…».

В антракте Мита позвонила Рахили (возникает вопрос, куда именно, если сестру уже забрали чекисты? Ведь в те времена еще не знали мобильных телефонов. А если бы такой и был у арестованной, его сразу бы отобрали. Очевидно, звонила домой Плисецким, где в то время кто-то находился – няня? Домработница? – Авт.). Ее страшные опасения подтвердились: Рахиль с ребенком увезли в тюрьму».

– Рассказ Миты о том, будто перед началом спектакля к ней в театр пришли Майя и Алик и она поняла, что Рахиль арестована, – трогательная сказка, которую Мита придумала и сама же в нее поверила, – пояснял Александр Мессерер. Его рассказ об аресте сестры кажется наиболее реальным из существующих:

– Рахиль была арестована 28 марта 1938 года с восьмимесячным сыном Азариком на руках. Это было в середине дня. При аресте присутствовала Эля (Елизавета, сестра Рахили и Александра. – Авт.). В то время мы круглые сутки не оставляли Рахиль ни на минуту одну, Майя была уже у Миты, а Алик – у Асафа. Такие предосторожности были предприняты потому, что еще за две недели до 28 марта приходили арестовывать Рахиль, но не взяли. Оперативников возглавляла женщина…



Асаф Михайлович Мессерер (1903–1992) – советский артист балета, балетмейстер, педагог и автор книг; солист Большого театра в 1921–1954 годах, представитель артистической династии Мессерер-Плисецких. Лауреат двух Сталинских премий (1941, 1947), народный артист СССР (1976)

Потом Эля позвонила всем нам. Майе Мита сказала, что мама срочно вылетела к папе на Шпицберген. Посылала ей телеграммы (с московского телеграфа) якобы со Шпицбергена от мамы. Я не помню, когда Майя узнала, что родители арестованы.

В автобиографической книге Майи Плисецкой те давние трагические события разворачиваются по первому сценарию, когда ее мать арестовывают прямо в театре:

«Я иду с цветами к Мите домой. С поздравлениями. Она живет рядышком с театром, сзади, в Щепкинском проезде, в доме Большого театра. Там, где потом в большой коммунальной квартире долгие годы буду жить и я. Взяв цветы, Мита внимательно, пристально всматривается в меня серьезными темными глазами. И внезапно предлагает остаться ночевать. При

этом она плетет какую-то чепуху, что маму срочно вызвали к отцу и она тут же, прямо из театра, не досмотрев спектакля, вечерним поездом куда-то умчалась. Я ей, естественно, верю. Я и сейчас легковерна. А в 12 лет поверишь в любую несуразицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.